

The background of the entire page is a vibrant red color with a dense, white, abstract pattern of irregular, brushstroke-like shapes that resemble splatters or calligraphic marks. The pattern is layered, with some white areas appearing more prominent than others, creating a textured, almost organic feel.

Т О Л Ь Л Ю Ю А Р

Изобразные
стихотворения

Поль Элюар

ИЗБРАННЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

*Перевод с французского
и предисловие
Павла Антокольского*

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Москва 1961

ПРЕДИСЛОВИЕ

В конце 1943 года в Париже, оккупированном гитлеровцами, вышел подпольный, отпечатанный вручную на гектографе, сборник «Честь поэтов». Авторы выступили совсем без подписи либо под псевдонимами. Когда через несколько месяцев после выхода этой книги ее экземпляр дошел до нас в Москву и мы впервые читали эти стихи, мы, конечно, никак не могли догадаться, что Жак Дестен или Франсуа ле Колер — это не кто иной, как Луи Арагон, а Жан дю О или Морис Эрван — это Поль Элюар. В предисловии к сборнику было сказано следующее:

«Уитмен, одушевленный своим народом; Гюго, призывающий к оружию; Рембо, вдохновленный Коммуной; яростный Маяковский — все эти поэты в тот или другой день их жизни соприкоснулись с огромной действительностью и ринулись к действию. Их власть над словом была настолько абсолютна, что поэзия ни в чем не потеряла от более или менее грубого столкновения с окружающим миром. Борьба только придала им силы. Пора повторить и провозгласить следующее: поэты — это обыкновенные люди, ибо лучшие из них всегда утверждали, что любой обыкновенный человек — поэт или может сделаться поэтом. Перед лицом

опасности, грозящей сегодня человечеству, мы, поэты, сошлись со всех концов Франции. Снова и снова поэзия перестраивает свои ряды, находит средства для замаскированного нападения, кричит, обвиняет, надеется».

Сейчас мы знаем, что это было написано Полем Элюаром. Взвешенные и точные строки предисловия свидетельствовали о глубоких сдвигах в развитии современной французской поэзии. После двух или даже трех десятилетий прозябания в ничтожных тиражах, после таких уединенных или вовсе заумных направлений, как дадаизм или сюрреализм, после фокусов изощренной и головоломной словесной технологии предисловие подпольного сборника возвращало поэзию народу, делало поэзию оружием в народной борьбе.

Как и многие другие интеллигенты Запада, в годы второй мировой войны Поль Элюар сделал свой выбор, и этот выбор оказался окончательным для него. Он озарил ярким светом последние, к несчастью, недолгие годы жизни поэта. Поистине Элюар «соприкоснулся с огромной действительностью и ринулся к действию».

И если сейчас французские школьники учат наизусть его ставшую знаменитой «Свободу», если он является одним из самых читаемых и почитаемых поэтов у себя на родине, а произведения его переведены на все европейские и многие азиатские и африканские языки, да и у нас они уже не впервые переводятся и издаются, — все это произошло в силу того же прогрессивного значения, которое приобрела поэзия Элюара.

Впрочем, незачем представлять себе, что этот выход на широкую, народную дорогу был полной неожиданностью для поэта. Черты высокой гражданской активности были ему присущи еще задолго до войны. В юности он был солдатом первой мировой войны, и она оставила глубокий след в его творчестве. Он уже тогда понял, что будет всю жизнь бороться со смертельным военным психозом. Он принимал участие в качестве добровольца в гражданской войне в Испании. Все это справедливо, но именно в начале сороковых годов, когда над его родиной нависла кровавая ночь фашизма, Элюар, как уже сказано, созрел окончательно как поэт и борец за лучшее будущее человечества.

Когда в конце 1952 года Элюар скончался, у ворот кладбища Пер Лашез его давний друг и соратник Луи Арагон между прочим сказал:

«...Листки его стихов снежными хлопьями кружились ночью над Парижем, сброшенные с самолетов английских военно-воздушных сил, и несли всем безграничную любовь к Франции, к свободе. В мире не было акта несправедливости... чтоб по поводу его Поль Элюар не возвысил свой гневный голос, проникновенный и сильный, как сама ясность... Вот о чем надо сказать прежде всего».

На первый, поверхностный взгляд стихи Элюара могут показаться уж очень бесхитростными, какими-то обнаженными. Может показаться, что такое сумел бы сочинить всякий владеющий грамотой человек. Никакая звонкая рифма не украшает его строки. Никакая смелая или неожиданная метафора не вторгается в наше

сознание, чтобы поразить, дать новое понимание природы, чувства, людей. Ничто не говорит о мощи воображения, о напряжении чувства. Простые слова — Любовь — Жизнь — Смерть — Свобода — Хлеб — Мир — соединены в простые предложения. Дыхание стиха ровное, скорее замедленное, нежели наоборот. Но в бесхитростности и видимой «наготы» Элюара и заключена его сила, его достоинство. Не это ли самое подразумевал Маяковский, когда говорил: «Ищем речи точной и нагой»?

Так может и должна говорить сама Правда. Тем более глубокое действие она оказывает на слушателя или читателя, чем яснее, проще и непосредственнее высказана.

Однажды Элюар сказал, что сущность поэзии в одном: возвратить человеческим словам их первоначальное, то есть наиболее чистое и веское значение.

Мне кажется, что этим определением поэзии он как никто другой и как нельзя точнее определил и самого себя.

П. Антокольский

ИЗ «СТИХОВ ЗА МИР»

К счастливой жене возвращается муж,
Как солнце встающее вновь,
Так много несет он тепла,
Смеется и «здравствуй» ей ласково шепчет,
Потом обнимает счастливое чудо.

Великолепная, с высокой крепкой грудью,
Жена моя, святыня, лучше, чем когда-то,
Когда я с тем, и с тем, и с тем, и с тем
Несли винтовку и манерку — нашу жизнь.

Как долго мне было лицо ни к чему,
И вот наконец
Лицо пригодилось для нашей любви,
Лицо пригодилось для нашего счастья.

СВОБОДА

На школьных своих тетрадках
И на древесной коре,
На зыбких холмах песчаных
Я имя твое пишу.

На всех страницах прочтенных,
На всех страницах пустых,
На крови, камне и пепле
Я имя твое пишу.

На золоченых картинах,
На королевских венцах,
На воинском вооруженье
Я имя твое пишу.

На пустырях и в дебрях,
На птичьих гнездах в кустах,
На всех отголосках детства
Я имя твое пишу.

На очарованьях ночи,
На белом хлебе дневном,
На первых днях обрученья
Я имя твое пишу.

На всех осколках лазурей,
На глади лунных озер,
На солнечных водоемах
Я имя твое пишу.

На беспредельных равнинах,
На крыльях летящих птиц,
На мельничных сонных крыльях
Я имя твое пишу.

На каждом луче рассветном,
На море, на кораблях,
На горных безумных высях
Я имя твое пишу.

На облачных испареньях,
На струях косых дождей,
На ураганных ливнях
Я имя твое пишу.

На всех мерцающих формах,
На бубенцах цветов,
На явно видимой правде
Я имя твое пишу.

На торной прямой дороге,
На опустевшей тропе,
На площади многолюдной
Я имя твое пишу.

На лампе, в ночи зажженной,
На лампе, погасшей к утру,
На всех домах, где бы ни жил,
Я имя твое пишу.

На зеркале, отразившем
Пустое мое жилье,
На теплой пустой постели
Я имя твое пишу.

На шерстке доброй собаки,
На острых ее ушах,
На лапах ее неуклюжих
Я имя твое пишу.

На каждой близкой мне плоти,
На лбу любимых друзей,
На каждой раскрытой ладони
Я имя твое пишу.

На окнах, раскрытых настежь,
На полуоткрытых губах,
Внимательно молчаливых,
Я имя твое пишу.

На брошенных укреплениях,
На сломанных фонарях,
На стенах тоски вседневной
Я имя твое пишу.

На гибели без возврата,
На голом сиротстве своем,
На шествиях погребальных
Я имя твое пишу.

На возвращенном здоровье,
На дерзости, что прошла.
На безрассудных надеждах
Я имя твое пишу.

Могуществом этого слова
Я возвращаюсь к жизни,
Рожденный дружить с тобою,
Рожденный тебя назвать —
Свобода!

ЗАТЕМНЕНИЕ

Довольны вы? Дверь прочно заперта.
Довольны вы? Мы втиснуты сюда.
Довольны вы? Вся улица пуста.
Довольны вы? Наш город ждет конца.
Довольны вы? В нём голод и нужда.
Довольны вы? Нет ружей, нет свинца.
Довольны вы? Вокруг ночная тьма.
Довольны вы? Мы с вами братья, да,

ПОСЛЕДНЯЯ НОЧЬ

Бедняки подбирали объедки из сточных канав.
Их глаза постепенно померкли.
Больше ночь не внушала им страха.
Ослабев, усмехались на слабость свою
И непрочно скользили в непрочной тени,
Друг на друга смотрели сквозь дымку несчастья,
Помогали друг другу беседой своей задушевной.
В рассудительном кротком их говоре
Угадал я надежды протянутой руки.

Угадал нарастанье
Бесчисленных листьев осенних,
Нарастанье волны из глубин неподвижного моря,
Угадал нарастанье
Бесчисленных будущих сил.

ОРУЖИЕ ГОРЯ

1

ОТЦУ

Папочка в щелях Развалин,
Тень в продырявленной шляпе,
Тень с пустыми глазницами,
Отблеск черного пламени
Под сиротливым небом,
Ворон, живущий долго,
Ты ведь мечтал о счастье.

Папочка в щелях Развалин.
Сын твой погиб,
Он убит.

Папочка — Ненависть,
Жертва отчаяния,
В двух войнах сражались мы рядом.
Жизнь наша искромсана,
Окровавлена и жалка.
Поклянемся же,
Что завтра возьмем ножи.
Папочка ранней надежды,
Надежды всех остальных,
Ты всюду.

А ЭТО ГОВОРIT МАТЬ

Я строила себе три замка в наших клятвах,
 Два замка — жизнь и смерть, а третий для любви.

Я спрятала, как клад,

Бесхитростные беды

Своей хорошей жизни.

По доброте души три соткала плаща,
 Один для нас двоих, а два для малыша.

У нас похожи руки,

Мы помним друг о друге.

Мы украшаем землю.

Во тьме полуночной три света сосчитала.

Пришла пора уснуть, и спутались они —

Надежда — сын — цветок — глаз — зеркало — луна.

Вне ощущений муж, он только в речи ясен.

Без отблеска жена, лишь в пальцах слабый ток.

И сразу пустота.

И я погибла в ней.

А где-то враг встает.

И я одна, как перст,

Одна, чтобы любить.

ИХ СЫН, ЭТОТ РЕБЕНОК

Ребенок мог бы солгать

И мог бы спастись.

В непроходимом болоте
Ребенок солгать не смог,
Кричал: «Я сам виноват»,
Он правдою защищался,
Всей правдой,
Как шпагой, от палачей,
Как шпагой, высшим законом.

И палачи отомстили,
Заставили смерть пройти
Сквозь пытку «надежда — смерть»,
Помиловали и прикончили,
И руки сломали и ноги, —
Сказал кладбищенский сторож.

4

Одна лишь мысль, одна лишь страсть —
Оружье горя.

5

Бойцы несут огонь и кровь,
Мир утверждая на земле,
Рабочие, крестьяне.
Бойцы затеряны в толпе,
Так остроумны, так ловки
В ударах по врагу.

Бойцы бегут, как ручейки
По высохшим полям,
Остервенелым бьют крылом
По небу грязному, сметая
Закон конца, тупой закон
Насильника-врага.

Их ненависть равна любви.
Надежда их равна всему,
Чем жизнь для них красна.
И равен общий их пароль
Желанью победить
И отплатить за зло,
Что враг нам причинил.

О, как мне по сердцу бойцы.
Вот этот думает о смерти,
А тот не думает о ней,
Один уснул, другой не спит,
Но все мечтают об одном
Освобожденье.

6

Одни угрюмы, другие голы,
Поют о хорошем, скулят о плохом,
Скулят о тяжести жизни своей.
Поют, как будто хотят улететь.

И сотней людских мечтаний,
И сотней желаний простых
Проходят они по стране,
Которая в них существует,
Как их дыханье и кровь.
И эта страна могла бы сиять
Страной поистине сказочной,
Страною невинных и добрых.

7

Быть непокорным — дело человека
Под небом, созданным для человека,
На всей земле богатой и единой.
Есть в сердцевине зрелого плода
Живое солнце, свет и чистота.
Любое солнце ради человека.
Все люди только ради человека,
И вся земля, и времени полет,
И счастье в каждом из живых существ.
Я говорю о том, что вижу,
О том, что знаю,
И это правда,

ИЗ ОДИНОЧЕСТВА К ЖИЗНИ

*В те времена вслед за террором и
восстанием распространилась стран-
ная безропотность. Было множество
мучеников и святых.*

1

Я перед сильными кротка,
А перед кроткими слаба,
Я знаю, что и как сказать,
Чтобы внушить забвенью.

Я дочь неведомых озер,
Что простирались без границ
От неба влажно-голубого
Вплоть до моих спокойных ног.

Я дочь неведомой весны,
Которой тоже нет конца.
Я над насильником смеюсь.
Я навсегда в цвету.

Чтоб выдержать, как подобает,
Свою загадочную роль,
В тюрьме сжимался он в комок
И стал подобьем стен глухих.

Не кружка — грязные ладони,
Не голод — черствый хлеб в зубах.
И ни одной надежды рядом.
И молча смотрит в дверь ничто.

В ушах гудела кровь огнем.
Покрытый тернием колючим,
Дышал он тяжело, раздвигая
Грудную клетку до конца.

А утром и стихи уйдут
Из отработавшего сердца,
И опустеет это место
В последней пустоте.

От мученика и святой
Ребенок славный родился,
Предел их тайного рассвета.

Еще ни легок, ни тяжел,
Принес ребенок в мир доверье
К дневному солнцу и к ночам.

Он руки моет в ручейках.
Губами легкими целует,
С щенячьей преданностью смотрит.

Для сумерек он мал еще.
Его прикрыли сны от взрослых,
Для счастья вырастит любовь.

ЗУБЫ СЖАТЫ

Не спрашивай, кого я ненавижу.
Есть область, где мужчины онемели.
Есть небо в рыхлых тучах. Есть презренье
Со стороны погибших. Есть слова
Присяги ложной, лепета глухого.
Есть лесь растленная и тихий голос,
Смиреньем опозоренный.

Но есть

Огонь кровавый, жажда быть свободным,
Милльон людей со сжатыми зубами,
Кровь, что по капле медленно сочится.
Есть ненависть — и, значит, есть надежда.

ПРАЗДНОСТЬ

Раз мертвые сюда не возвратятся —
Что делать нам, что предпринять живым?

Раз мертвые не жалуются даже —
Что жаловаться попусту живым?

Но если мертвые молчать не в силах —
Живым молчанье незачем хранить.

МУЖЕСТВО

Париж продрог. Париж не ел три дня
Ни корки, ни печеного каштана.
Плетется он в лохмотьях стариковских
И стоя спит, задохшийся, в метро.
Но беднякам остались, кроме горя,
Вся мудрость, все безумие Парижа,
Его огонь, его священный разум,
И доброта его, и красота.

Так не зови на помощь!
Ты сущность, не сравнимая ни с чем.
В твоих глазах нет смертной наготы,
Нет тусклости, — одно возникновенье
Живого человеческого света.
Как угорь — скользкий и тугой, — как шпага.
Изобретательный и мудрый город,
Не терпишь ты несправедливой власти.
В ней беспорядок злейший для тебя.
И ты освободишься!
Трепещущая юная звезда,
Надежда, пережившая невзгоды,
Освободишься ты от лжи и грязи.
Мы нашим братьям мужества желаем,
Ни шпаг у нас, ни касок, ни сапог.

Есть только пламя в напряжённых жилах.
Все лучшие меж нами — мертвецы.
Но кровь их перельется в наше сердце.
Подходит час парижского рассвета.
Подходит миг освобожденья.
Раскрыта площадь настезь для весны.
У идиотской силы есть низы,
Рабы, которых мы зовем врагами, —
Едва поняв,
Едва достигнув пониманья,
Они восстанут сами.

ИЗ ПОЭМЫ
«МЕЖДУ ЖИЗНЬЮ И СМЕРТЬЮ»

Жаку Гру-Раденезу

Ты замечал ли, как твой ближний
Повсюду пользу извлекает,
Как голова его сверкает
Под маской солнца,
Под кроткой маской золотой?
Глаза его — две жгучих розы.
Твой ближний — добрый человек.

Он показал тебе дорогу
К решетке частой и замку,
Он показал тебе, где выход
К жене твоей и ребятишкам,
На площадь, полную знакомых.
Тебе свободу он дает.

Нет, я ошибся, и мне стыдно.
Тебя заставят умереть
Весьма удобной смрадной смертью,
А смерть похожа лишь на смерть.
Всю жизнь томиться, чтоб уйти в ничто.
И кровь твоя иссякнет, как родник.
Враг озабочен тем, чтоб убивать.
Враг озабочен тем, чтоб быть врагом.

Единственное ценно — уничтожить
Сначала этого, потом того.
Единственное ценно — воссоздать
Существованье целостное в плоти.
Есть уважение к живым и мертвым,
Которые погибли ради жизни,
Погибли так же, как погибнешь ты,
Виновный в том, что ненавидишь смерть.

СЕСТРЫ НАДЕЖДЫ

Сестры надежды, вы храбрые женщины,
Против смерти вступили вы в братский союз
Доблести и любви.

Сестры мои, вы остались в живых,
Рисковали вы жизнью,
Чтобы жизнь победила.

Близок день, великие сестры,
Когда мы посмеемся над словами «война»
и «несчастье»,
Ничего не останется от минувшей беды.

У каждой останется право на ласку.

МОГУЩЕСТВО НАДЕЖДЫ

Так и сказать, признав свою судьбу:
Я нищ, и гол, и многим обделен,
Прошел, подобно хилому рабу,
Далекий путь, и смертью кончен он.
Есть у меня имущество — мой стон.
Я знаю пот, и слезы, и нужду
И разве что на жалость обречен,
А может быть, приговорен к стыду.

А мог бы есть и пить весьма ретиво,
Подобно вам, до головокруженья.
И спал бы, как животное, лениво,
В тепле, без пробужденья, без движенья.
Но я не сплю, не знаю наслажденья.
Я не целуюсь с женщиной красивой.
И все же, как ни горестно паденье,
Пустое сердце бьется, сердце живо.

И мог бы я смеяться, словно пьяный.
Во мне заря еще гнездо совет
И запыхает бдительной охраной
Над ближним — пусть он только оживет.

Так не жалея меня. Мой день придет.
Не осуждай моей дороги странной.
Еще найду я заповедный вход
К тем, кто построит новый мир желанный,
К толпе живых. И друг меня найдет.

НЕВОЗМОЖНОЕ ЖЕЛАНИЕ

Я видел этот мир бесчеловечный,
Венец и рабство под проклятым игом.
Я знаю драму, с автором знаком.

Ночь-заговорщица шла впереди меня.
Спесь и убожество ползли по тротуарам.
Ведя меня к истокам преступленья.

Я видел борозды, что проводило
На лицах раскаленное железо.
Я видел слабых, сбитых кулаком.

Кровь на животных, кровь на людях видел —
Сбор винограда гаже и подлей,
Чем палачи изящные в перчатках.

Но я меж пыток выбираю скуку
И одиночество в траве осенней.
Я не сообщник даже побежденным.

Я не войду и с палачами в сделку,
Останусь совершенно одинок на свете.
Ни жизнь, ни смерть моя не будут униженьем.

Я лгу. На мне вина. Я чей-то брат и должен
Все испытать. Я понял, что солгал.
Товарищи, я ваш. Я протянул вам руки.

ГАБРИЭЛЬ ПЕРИ

Погиб человек, протянувший в защиту
Одни только руки, раскрытые жизни.
Погиб человек, что стоял на дороге,
Ведущей к нацеленным ружьям врага.
Погиб человек, продолжавший бороться
Со смертью, с забвеньем самим.

Все то, чего хотел он,
Хотели также мы,
Хотим еще сейчас,
Чтоб счастье было светом
Глаз и сердец людских, —
Хотим на свете правды.

Ведь есть слова, есть имена такие,
Которые всегда животворят.
Слова «Любовь», «Доверье», «Теплота»,
«Свобода», «Справедливость», «Честь», «Ребенок».
Названия цветов или плодов,
Есть слово «Храбрость», слово «Открывать»,
Есть слово «Брат» и рядом с ним «Товарищ».

К названьям деревень в родной стране
И к именам друзей и милых женщин
Прибавим имя «Габриэль Пери».
Пери погиб за то, чтобы мы жили.
Он брат наш. Грудь его пробита пулей.
Благодаря ему мы стали ближе.
Мы братья. В нас живет его надежда.

* * *

Последняя пред смертью ночь
Короче всех ночей была.
Одну лишь мысль не гнал он прочь,
Всю кровь она ему сожгла.

Он задыхался и стонал,
Что так здоров, что так силен.
И вот на самом дне тоски
Внезапно улыбнулся он.

Из близких не пришел никто,
Но миллионы, миллионы
Отмстят за все — он это знал.
Так для него пришел рассвет.

* * *

*Считанные французские интеллигенты:
поступили на службу к врагам.*

Пугающие испугались.
Пришла пора их сосчитать.
Конец их царства недалек.

Они кичились палачами,
По мелочам творили зло,
Слова их были неспроста.

Прекрасные слова о дружбе
Они загадить ухитрились .
И вновь голосовали смерть.

И наконец пришла пора
Объединиться для любви,
Чтоб победить и наказать их.

УБИТЬ

На весь Париж в такую ночь
Спустился странный мир,
Мир ослепленных глаз,
Бесцветных смутных бредов,
Ушибленных о стены,
Мир бесполезных рук,
Склоненных низко лбов,
Исчезнувших мужей,
Давно ушедших жен,
Не плачущих, холодных.

На весь Париж в такую ночь
Нисходит странный свет.
В парижском добром сердце
Забрезжил свет убийства
Обдуманного, чистого, —
Встают на палачей,
На смерть.

СТІХОТВОРЕНІЕ ОБ ОЧЕВІДНОМ

Я существую в бесчисленных образах времени,
Дней и годов.
Я существую в бесчисленных образах жизни,
В кружеве
Цвета, и формы, и слов, и движенья,
В красоте неожиданной,
В безобразье всеобщем,
В ясности, в мысли горячей, в желаньях.
Я существую в несчastьях и снова
Жизнью своей возражаю на смерть.

Я существую в реке, беспредельно пылающей,
В темной и влажной
Реке немигающих глаз,
И в удушливых дебрях, и в блаженных долинах,
Вливаюсь в моря, что повенчаны с небом пустым,
Существую в пустыне средь каменных статуй,
В одиночестве гибнущего человека,
В многих братьях, опять обретенных.
Я живу в изобилье и в голоде сразу,
В замешательстве света, в порядке ночном.
Я в ответе за жизнь, за любое сегодня
И завтра, —
Всем пределом и всей протяженностью мира,
Всем огнем и всем дымом,

АФИНА

Народ Эллады, горестный владыка,
Все потерявший, только не свободу,
Не жажду справедливости и воли.
Не уваженье к самому себе.

Тебе уничтоженье не грозит.
Под стать своей любви ты сердцем чист.
Душой и телом вечности взыскаю,
Уверен ты, что хлеб получишь даром.

Что хлеб тебе дадут охотно руки,
И честь спасут, и утвердят закон.
Верь только в них, в свои большие руки.
В них милосердьe, в них твоя надежда.

Надежда — вопреки господству тьмы
И смерти, отступающей внезапно.
Народ в отчаяньe, народ героев
Голодных, но объевшихся отчизной.

Велик иль мал, об этом знает время.
Народ — хозяин всех своих желаний,
Плоть, совершенство плотского объятья,
Живая жажда хлеба и свободы.

Свобода — как морская гладь под солнцем.
И хлеб — как боги, хлеб-соединитель,
Сверкающий, — он стал сильнее всех,
Сильней, чем наше горе, чем враги.

ЦЕЛЬ ПОЭЗИИ — ПОЛЕЗНАЯ ПРАВДА

Когда я говорил, что солнышко в лесу
Подобно женщине, отдавшейся в постели,
Вы мне поверили, вы подчинились мне.

Когда я говорил, что этот день дождливый
Струится и звенит в любовной нашей лени,
Вы мне поверили, чтобы продлить любовь.

Когда я говорил, что на плетеном ложе
Свил гнездышко птенец, не говорящий «да»,
Вы мне поверили, деля мою тревогу.

Когда я говорил, что в родниковой влаге
Ключ от большой реки, несущей людям зелень,
Вы мне поверили еще сильнее и глубже.

Но если я пою об улице моей,
О всей моей стране, об улице без края,
Вы мне не верите, вы прячетесь в пустыню.

Бесцельна ваша жизнь. Забыли вы, что людям
Необходима связь, надежда и борьба,
Чтоб этот мир познать и переделать мир.

Всем сердцем бьющимся хочу я вас увлечь.
Я слаб. Но я расту, и я живу еще.
Мне странно говорить о вашем пробужденье,

Когда хочу вам дать единство и свободу
Не только в тростниках свирели заревой,
Но рядом с братьями, построившими правду.

ПЕСНЯ ПОСЛЕДНЕГО ПРОМЕДЛЕНИЯ

Черно мое имя в миг пробужденья.
Черна назойливая обезьяна,
Которая корчит маньяка
Пред зеркалом ночи моей.
Черно тяжелое безрассудство,
Холодный, дряблый двойник.

Черно, где вонзилась стрела.
Черно, где затлел уголек.
Черно сожженное тело.
Обуглено сердце любви.
Черна поседевшая ярость
И пена на подлых губах.

Тупая жажда вопить
Останется вплоть до смерти.
Пускай могилу мою
Оплачут мои знакомцы.
Они любовь одобряли,
Они и траур почтут.

Из наших скрещенных рук
Я строил наши объятия.
Из наших пристальных глаз
Я строил единство зренья.

Сегодня кости мои
Размолоты мертвым прошлым.

В исчезающем этом мире
Не осталось нашего смеха,
Ни ночей наших, ни видений.
Испарилась живая влага.
Только мы вдвоем умещались
В этой раковине пустой.

Отделись от моей печали.
Пусть она рассыплется прахом
И отвергнет любые жертвы.
Смерть не знает, что значит доблесть.
Отделись, если ты решаешь
Вечно жить и не умирать.

На твоих ресницах сухих,
В глубине твоего желанья
Округляется черный ноль.
Как он крохотен, как огромен,
Как способен он защитить
Самобытное в человеке!

Только я и черен — пойми!

ВТОРАЯ ПЕСНЯ ПОСЛЕДНЕГО ПРОМЕДЛЕНИЯ

Позволь судить о том, что мне поможет в жизни!
Я возвращу надежду многим людям
Не только в их супружеских утехах.

Любовь для них венец желаний.
Они работают ради своих любимых.
Но это — тяжкое обьятье.

Они работают и ради вас!

Все иступленье их любви
Не уничтожит утомленья
От непосильного труда
За вас, не двинувших и пальцем!

Я обличал несправедливость,
Я вырвал тернии
И стер морщины.

Я говорю, и дверь открыта.

Позволь судить о том, что мне поможет в жизни.
Желанье свежести прогонит лихорадку.

Снег, тающий весной, — я женщиной рожден.
Есть доблесть женская и у меня порой.
В глубинах женских недр — освобожденье людям.

Жить — это значит поделиться всем.
Я только одиночеством привязан к смерти
И никого еще не обнимал, как прежде,
Но добрый хлеб — свидетельство блаженства.
От хлеба жарче наши поцелуи.

Одно прибежище возможно — целый мир.
Жить для меня — разгадывать загадки
И отрицать слепое бедствие рожденья,
Слепое угасанье бледных звезд.
Жить — это значит гибнуть, чтоб найти людей.

Чтоб тихая река вбирала все ручьи,
Чтоб зоркие глаза увидели порядок,
Уничтоженье бед, все на своих местах.
Порядок, крепнувший от зернышка к расцвету,
Строительство живой и крепнущей вселенной,
Дитя, смеющееся в смене поколений,

ТОВАРИЩАМ НАБОРЩИКАМ

Мы одним владели ремеслом,
Помогали видеть в темноте,
Понимать и действовать учили,
Исчезать и снова появляться.

В это верить надо было — верить
В мудрую способность человека
Быть свободным, становиться лучше,
Нежели судьба его сложилась.

Ибо ждали мы большой весны,
Ибо ждали совершенства в жизни,
Ждали, что непобедимый свет
Выдержит все тяжести вселенной.

ПАМЯТИ ПОЛЯ ВАЙЯН-КУТЮРЬЕ

Я живу в квартале Шапель,
Издаю в каморке газету
Под названьем «Друзья моей улицы» —
Не в продажу, а для раздачи:
Это стоит труда, а не денег.

Мое сердце всегда с друзьями:
Разговором меня ободряют.
Так я стал человеком Улицы,
И вобрал в себя всех людей
И окреп от совместной жизни.

У прохожих на улице та же забота.
У прохожих та же надежда,
Что уменьшится горе, и та же любовь.
Я открыл свое сердце для многих сердец,
И знаю о том, и ко всем обращаюсь.

И они говорят обо мне точно так же.
И сливается Улица наша с другими людьми
И с другими парижскими улицами.
И с тобой, Поль Вайян-Кутюрье.
Ты такой же, как мы.
Раньше нами ты клялся. И мы поклянемся тобою,
Что жизнь будет краше и лучше.

О СИЛЕ И О ЛЮБВИ

Меж всех тревог, меж смертью и мной,
Меж безнадежностью и жаждой жизни
Встают несправедливость и страдания,
Не признанные мной, встает мой гнев.

Маки́ — то кровь Испании пылает.
Маки́ — то небо Греции синееет.
Кровь, небо, хлеб и право на надежду
Для всех невинных, что отвергли зло.

Любой светильник близок угасанью.
Любая жизнь когда-нибудь истлеет.
Но бесконечна на земле весна.
Из мрака выйдет завязь теплоты.

У теплоты повадка эгоистов:
Для них не существует отмиранья.
Огню смешно, что может он погаснуть.
Страдавший отрицает, что страдал.

Ты, бывшая моим живым сознанием,
Ты, нежно созидавшая меня,
Не вынесшая гнета и насилья,
Мечтавшая о счастье и свободе,

Я продолжаю на земле — тебя.

СЕГОДНЯ

Не часто в булочной бывает белый хлеб,
На улице не часто светит солнце,
Не часто в крохотных бистро
Для пьяниц приготовлена закуска,
У них гнилые зубы
И, несмотря на заработок, скверные повадки

Вот улица: на вывесках нет золота,
в кафе не топят.

Все лица замкнуты, все губы горько сжаты.
Три путника торопятся домой.
Я знаю их трущобу,
Бывал внутри, во мраке!
Да, очень худо нам живется.

Всем жителям здесь солоно живется.
В их край и не заглядывает солнце.
Они — как вены на больной руке,
Пьют и едят, слоняются без толку,
Все закоптели, всем темно и скучно.

Ничто — вот образ улицы в ненастье.
Случается, что грузовик раздавит
Ребенка или велосипедиста:
Все суетятся. Кровь на мостовой.
Еще трепещет чья-то жизнь в грязи,
Старается подняться и сникает.

Я не рискую говорить о солнце.
Но знаю — электричество и газ,
Водопровод и сытная еда
Служили бы в рассказе с большим блеском.
О гастрономии и о загаре
Я и не заикаюсь.

Как и о том, что где-то славят бога
Или друг друга любят нагишом.
Но где же та стена благополучья?
Мы сами опрокинули ее,
Едва вступили в невозможный мир,
Едва чужой улыбке улыбнулись.

Усталость наша не синей, чем небо.
Мы просим милостыни в мае
У ландышей и белых лилий.
Меж тем еще синее нас — жена.
Она так страстно, так заботливо любила,
Как это полагается в любви.

У чистых родников, вблизи от моря,
Я знаю, мы не все могли понять,
Но больше не хотим продрогнуть
Ни до костей, ни до безумья.
Все вечно. Все мгновенно. Но мы будем
Тверды перед лицом беды,
Горды перед бессудьем.

Мы выкорчем улицу отсюда
И отнесем ненужную — пусть гибнет
Развалина в святилище хозяев.

ДИАЛОГ

Посрамлены открытия благие.
Свинцовый обруч золото сковал.
С постели честной сброшена любовь.
Загажена природа лилипутом.

*Смотрите, кровь по улицам течет.**

Людские множества в укрытьях, —
Поскольку солнце — острый нож,
Поскольку море — смертный яд, —
Людские толпы, жаждущие жизни.

*Ничто — ни песня, ни победа —
Не заселит пустыни страшной крови,
Ничто — ни море, ни приход
Иных песков, иных времен,
Ни веточка герани
На погребальном камне.*

А сколько из нас ушли из жизни
В надежде на какой-то лучший мир,
Поверившие собственному праву, —
Обменивался с ними я улыбкой.

* Курсивом выделены строки из стихов Пабло Неруды.

*Лицо без глаз господствует во мраке,
Полна надежд сверкающая шпага.*

Корабль, груженный хрупким веществом
Да тяжестью сознания и пола,
Мы прилепились к веточке одной,
Как листья и плоды, мы служим росту.
Одно ученье — доброта.
Одна забота — здравый разум.
Бесчисленная птичья стая,
Несомая с планеты на планету.

*Сыны победы, столько раз вы гибли,
Простерши руки столько раз напрасно!*

Победа! Как я верил в это слово,
В ярчайший образ мирового утра!
Она пришла. Мы говорим о ней.
Полночный сон стал будничною ношей.

*О матери в тоске, в отчаянье смертельном,
Смотрите — солнце дня рождается опять,
И знайте — мертвые сыны вам улыбнутся,
Их пальцы легкие зашелестят в траве.*

Я жду, что расцветет багряный шар зари,
Час обладания, час неба на земле.
Ведь ненависть — любовь, удвоившая силу.
Когда один ослаб, тогда бесцветны оба.

*Я вижу сотней глаз, я вижу зрячим сердцем —
Встают мои друзья, соратники-борцы
Из праха, из темниц, из-под горящих стен.*

В ярчайшем мужестве язык ясней и ярче.
Пусть загнан человек — он будет совершенством.

В ВАРШАВЕ,
ГОРОДЕ ФАНТАСТИЧЕСКОМ

Кто не видал немых развалин Гетто,
Не понимает собственной судьбы,
Не понимает пустоты на месте
Живого сердца и живого тела.

Кто их видал, тому легко понять,
Что сделанного здесь — не переделать.
Все надо изменить, иначе смерть —
Не подвиг, не победа, а ничто.

Кичилось это чудище, вставая
Из бьющегося сердца человека,
Который был закован и разбит,
Чья мысль мертва, чей зоркий взгляд ослеп.

Погибло Гетто. Призраки не встанут.
Но мужество их создано любовью
Ко всем живущим. Будущее с ними.
Их корни живы, их стволы растут.

Вот образ непомерного страданья
Под сумрачными тучами Варшавы.
Он разрушает все мечты о счастье,
Но воздвигает радугу надежды.

Мертвец в земле расчистил путь живым.

О ПЕРВОМ МАЯ ПЕРВОГО МАЯ

Как будто мы листва одной дубравы,
Всех разметал удушливый тот вихрь,
Беда — как ночь. Война — как наводнение.
Нет зеркала — один слепой свинец.

Но не вчера — сейчас они посмели
Предречь уничтожение нам, живым,
Нам, воскресавшим с каждою весной,
Из будущего черпающим свет.

Над ними небо дряблое нависло.
А наша мощь отныне и навек
Едина, первозданна, человечна.
Одно лишь счастье тяготит ее.

Одно цветенье легкое и зрелость.

ТЕНИ

Бастующим горнякам.

Не тени по земле кружатся,
Не дочери дневного солнца,
Плясуньи отдыха и света,
Подруженьки живых существ.
Не тени на земле полночной,
Предшествующие заре,
В легчайшем блеске лунной влаги
Покорно служат всем, кто спит.
Нет, под землей они столпились.
Тревожно бьются их сердца, —
Добытчики тепла и тока,
Бастующие горняки.

Сгустилась их обида
В глухую глыбу мглы,
В раскат негодованья
И в ярости раскат.
Трудиться без надежды!
Рыть для себя могилу!
Те, что зажечь могли бы
Глаза миллионам ближних
Они сказали «нет»
Истлению и праху.
Они хотят дарить.

Дарить? Но кто возьмет?
Сердцам их нет границ.
Но есть предел терпенью.
Довольно голодать,
Когда другие сыты.
Другие лгут, что, дескать,
Отыдешь в землю с миром.

Так, братья горняки, я с вами говорю.
Мои стихи ничто без вашей правоты.
А если человек до срока должен погибнуть,
Пусть первыми умрут среди людей
поэты!

ДОБРАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ

Есть горячий закон у людей:
Из лозы виноградной делать вино,
Из угля делать огонь,
Из объятий делать людей.

Есть суровый закон у людей:
Уберечь свою суть, несмотря
На войну и на горе,
Несмотря на грозящую гибель.

Есть спокойный закон у людей,
Превращающий воду в свет,
Сновиденье — в реальность,
А врагов своих — в братьев.

Это древний закон и новый.
Он растет, совершенствуясь,
От самого сердца ребенка
Вплоть до высшего разума.

МЫ ДВОЕ

Мы двое крепко за руки взялись.
Нам кажется, что мы повсюду дома —
Под тихим деревом, под черным небом,
Под каждой крышей, где горит очаг,
На улице, безлюдной в жаркий полдень,
В рассеянных глазах людской толпы,
Бок о бок с мудрецами и глупцами —
Таинственного нет у нас в любви.
Мы очевидны сами по себе,
Источник веры для других влюбленных.

СМЕРТЬ — ЛЮБОВЬ — ЖИЗНЬ

Я верил, что смогу разбить громаду глубины
Без всякой помощи, одной тревогой голой.
Я был простерт в тюрьме с недрижными воротами,
Как смерть поющая, умеющая гибнуть,
Одним небытием увенчанная смерть.
Я был простерт на гребнях волн абсурдных,
Отравлен был одной любовью к тленью.
Мне одиночество казалось ближе крови.

Хотел я жизнь разъединить,
Смерть поделить хотел с одною только смертью,
Стереть оконное стекло, и пар па нем,
И все, что за стеклом, и все, что перед ним.
Я разом устранил и лед рукопожатья,
И замороженный скелет своих желаний,
И жизнь, которая себя же отменяет.

Явилась ты. И вот огонь одушевлен.
Тьма уступила изморози звездной.
И вся земля опять покрыта
Твоею светлой плотью. Мне легко.
Вошла — и одиночество поникло.
Есть проводник со мной. Я научился
И направлять и размерять себя.
Ко мне вернулись время и пространство.

Я шел к тебе. Шел бесконечно к свету.
Жизнь получила плоть, надежда — одеянье.
В снах заструились образы, и ночь
Доверчиво глядит в глаза рассвета,
Лучами рук твоих раздвинут мой туман.
Уста твои влажны от утренней росы.
Взамен усталости пришел слепящий отдых.
Как в ранней юности, я восхищен любозыю.

Возделаны поля. Освещены заводы.
Посеяно зерно в земной открытой зыби.
У хлеба и вина есть сотни очевидцев.
Ничто не просто и не странно.
В глазах ночных небес волнуются моря.
Свои деревья защищает лес.
И стены всех домов соприкоснулись.
И все пути скрещаются всегда.
И люди сделаны, чтоб понимать друг друга,
Чтобы любить и узнавать.

Их дети станут некогда отцами.
У их детей нет ни кола и ни двора.
Но дети заново изобретут людей,
Природу и свою отчизну,
Единую для всех людей,
Единую для всех времен.

ЖАКУ ДЮКЛО

Большие господа, укрывшись в пасти зверя,
Весну отпраздновали вновь.
Война и нищета средь бела дня гуляют,
Яд отравляет нашу кровь.

Бал Двухнедельных Роз в Ночном Очарованье.
Гримасы масок и тоска.
А на земле весна цветущая ярка
И зреют наши упованья.

А для господ весна — свой брат, самоубийца,
Верней, убийца всех других.
Настало время для насильников лихих,
Изнеможенье, догниванье...

Чтоб оторвать людей от их самосознанья,
Настало время для темниц,
Для избиенья всех ни в чем не виноватых,
Для их бессудного изгнанья.

Большие господа так устремились к войнам,
Так обезумели от страха,
Что каждый человек становится достойным
Быть горстью пепла, горстью праха.

А горе между тем в отважном ликованье
Рождает юных сыновей.
Ничто их не страшит, ни господ, ни гибель.
Они верны стране своей.

Им ясно, что Вьетнам, Корея и Тунис,
Подобно им, встают на битву.
Для них живой пример товарищ Белояннис.
Они для счастья родились.

Как согласиться жить без веры, без надежд,
Не видя и не понимая,
Чтоб мертвечина, ложь и грязь глухонемая
Тащили их куда-то вниз!..

Сквозь пестрый занавес в движенье бесконечном
Видна дорога им прямая.
Сомненья нет у них, сомненья нет у нас
В победе завтрашнего утра.

Весна сражается! Полмира ярким светом
Мир подарила остальной.
Мы дышим вечностью на пажити земной,
Мы лета ждем вслед за весной,
Уже обласканы глубоким жарким летом.

ВСЕ СКАЗАТЬ

Все — это все сказать. И мне не хватит слов,
Не хватит времени и дерзости не хватит,
Я брежу, наугад перебирая память,
Я нищ и неучен, чтоб ясно говорить.

Все рассказать — скалу, дорогу, мостовую,
Прохожих, улицу поля и пастухов,
Зеленый пух весны и ржавчину зимы,
И холод и жару, их совокупный труд.

Я покажу толпу и в каждом первом встречном
Его отчаянье, его одушевление,
И в каждом возрасте мужского поколения
Его надежду, кровь, историю и горе.

Я покажу толпу в раздоре исполинском,
Всю разгороженную, как могилы кладбищ,
Но ставшую сильнее своей нечистой тени,
Разбившую тюрьму, свалившую господ,

Семью рабочих рук, семью листвы зеленой,
Безликого скота, бредущего к скоту,
И реку, и росу в их плодотворной силе,
И правду начеку, и счастье в цвету.

Смогу ли я судить о счастье ребенка
По кукле, мячику и солнышку над ним?
Посмею ли сказать о счастье мужчины,
Узнав его жену и крохотных детей?

Смогу ли объяснить любовь, ее причины,
Трагедию свинца, комедию соломы
Сквозь машинальный ход ее вседневных дел,
Сквозь вечный жар ее неугасимых ласк?

Смогу ли я связать в единство эту жатву
И жирный чернозем — добро и красоту,
И приравнять нужду к желаниям моим,
Сцепленье шестерен — к тому, чем я томим?

Найду ли столько слов, чтоб ненависть
прикончить,
Чтоб стихла ненависть в широких крыльях
гнева
Чтоб жертва поднялась на палачей своих?
Для революции найду ли я слова?

Есть золото зари в глазах, открытых
смело, —
Все любо-дорого для них, все новизна.
Мельчайшие слова пословицами стали,
Превыше бед и мук простое пониманье.

Смогу ли возразить, достаточно ли твердо
Всем одиночествам, всем маниям нелепым?
Я чуть что не погиб, не смогши защищаться,
Как связанный боец с забитым кляпом ртом.

Я чуть не растворил себя, свой ум и сердце
В бесформенной игре, во всех летучих формах,
Что облекали гниль, распад и унижение,
Притворство и войну, позор и равнодушие.

Еще немного — и меня б изгнали братья.
На веру я примкнул к их боевым делам.
От настоящего я больше взял, чем можно,
И лишь о будущем подумать не умел.

Обязан я своим существованьем людям,
Живущим вопреки всеобщему концу.
Я у восставших взял и взвесил их оружие,
И взвесил их сердца, и руки им пожал.

Так человечным стал нехитрый человек.
Песнь говорит о том, что на устах у всех,
Кто за грядущее идет войной на смерть,
На подземельный мрак беспутной мелюзги.

Скажу ли, наконец, что в погребке прокисшем,
Где бочки спрятаны, открыта настежь дверь,
Нацежен летний зной в сон виноградных лоз, —
Я виноградаря слова употребляю.

Похожи женщины на воду иль на камень,
Суровы иль нежны, легки иль недотроги.
Вот птицы странствуют наперерез пространству.
Домашний пес урчит, тревожится за кость.

Ночь откликается лишь чудаку седому,
Истратившему жар в банальных перепевах.
Нет, даже эта ночь не сгинет понапрасну.
Сон для меня придет, когда других оставит.

Скажу ли, что над всем владычествует юность,
Морщины на лице усталом замечая.
Над всем владычествует отсветов поток.
Лишь только вытянется из зерна цветок.

Лишь только искренность о жизни возникает —
Доверчивый не ждет доверья от других.
Пусть ответят мне до всякого вопроса,
Пусть не говорят на языке чужом.

Никто не посягнет дырывать мирный кров,
Жечь эти города и мертвых громоздить.
Я знаю все слова строителей вселенной,
А время для таких — живой первоисточник.

Потребуется смех, но это смех здоровья.
То будет братское веселье навсегда.
То будет доброта такая же простая,
Как к самому себе, когда ты стал любим.

Легчайшим трепетом ответит зыбь морская,
Когда веселье жить свежей соленых волн.
Не сомневайтесь же в стихотворенье этом.
Я написал его, чтоб вычеркнуть вчера.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие П. Антокольского</i>	5
Из «Стихов за мир»	9
Свобода	10
Затмение	14
Последняя ночь	15
Оружие горя	16
Из одиночества к жизни	21
Зубы сжаты	24
Праздность	25
Мужество	26
Из поэмы «Между жизнью и смертью»	28
Сестры надежды	30
Могущество надежды	31
Невозможное желание	33
Габриэль Пери	35
Последняя пред смертью ночь	37
Пугающие испугались	38
Убить	39
Стихотворение об очевидном	40
Афина	42
Цель поэзии — полезная правда	44
Песня последнего промедления	46
Вторая песня последнего промедления	48
Товарищам наборщикам	50
Памяти Поля Вайян-Кутюрье	51
О силе и о любви	52
Сегодня	53
Диалог	55

В Варшаве, городе фантастическом	57
О Первом мая первого мая	58
Тени	59
Добрая справедливость	61
Мы двое	62
Смерть — Любовь — Жизнь	63
Жаку Дюкло	65
Все сказать	67

Поль Элюар
Избранные стихотворения

Редактор *А. С. Собкович*

Художник

М. В. Борисова-Мусатова

Технический редактор *А. Г. Резоухова*

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва, 1-й Рижский пер., 2

Сдано в производство 2/XII 1960 г. Подписано к печати
3/III 1961 г. Бумага $70 \times 108^{1/32} = 1,1$ бум. л. печ. л. 3,1
Уч.-изд. л. 1,9. Изд. № 12/0278. Цена 11 коп.

Тип. Госкомитета по судостроению, зак. 2693